

Образы Веры Шеиной И Генерала Аносова В Произведении А. И. Куприна «Гранатовый Браслет»

И. Ф. Порубай, PhD

Старший преподаватель факультета иностранных языков, Ферганского государственного университета, Узбекистан

Received 19th Nov 2023, Accepted 21th Dec 2023, Online 24th Jan 2024

Аннотация

Данная статья посвящена анализу рассказа А. И. Куприна «Гранатовый Браслет». В статье анализируется смысл повествования, художественные средства, применяемые автором для выражения смысла произведения. Основное внимание статьи уделено анализу образов главной героини – княгини Веры Шеиной, и ее крестного – генерала Якова Аносова. В статье проведен анализ художественных средств, найденных в диалогах этих героев, а также в описании их жизни, характерных черт, окружающей обстановки; целью которых является первоначальный смысл рассказа, заданный автором.

Ключевые слова: Гранатовый Браслет, А.И. Куприн, образ, анализ образа, художественный образ, стилистика.

Введение

Рассказ «Гранатовый Браслет» А. И. Куприна, являясь хрестоматийным образцом литературы, рассматривается в большинстве случаев как отражение автором идеалов безответной любви, выраженных в проявлении глубоких, но односторонних чувств мелкого чиновника Георгия Желткова по отношению к княгине Вере Шеиной, которые заканчиваются трагедией. Через призму повествования, описания жизни и образов героев, автор раскрывает ценности подлинных чувств. Любовь в данном произведении Куприна не продиктована корыстью или выгодой, а скорее, наоборот, сопряжена с чистотой, благородством и самоотверженностью [6, 44-49].

Основная часть

Следует отметить, что повествование и раскрытие его смысла автор строит через образ главной героини, княгини Веры Шеиной, вокруг которой, собственно, в основном и выстроен весь сюжет. С помощью определенных художественных средств, Куприн создает для читателя нужное впечатление от главной героини.

Образ княгини Шеиной – это, прежде всего, образ женщины, лучшие времена которой, в каком-то смысле, прошли. В первую очередь, это можно увидеть в кратком описании ее взаимоотношений с мужем, князем Василием Львовичем – *«страстная любовь к мужу давно уже перешла в чувство прочной, верной, истинной дружбы»*. Автор неспроста использует словосочетания *«страстная*

любовь» и «истинная дружба» практически в контекстуально антонимическом смысле, тем самым давая читателю понять, в каком состоянии находится семья Шеиных. Куприн, тем не менее, не рисует это состояние как несчастливое (употребляя описание дружбы как «прочной, верной») а скорее, потерявшее былую страсть и чувственность. Данный образ «увядания» Куприн подкрепляет описанием окружающей обстановки в саду княгини – «остальные цветы после своей роскошной любви и чрезмерного обильного летнего материнства тихо осыпали на землю бесчисленные семена будущей жизни». Отсутствие чувств в семейной жизни Веры также усиливается тем, что автор не дает нам никаких подробностей предыстории супругов Шеиных до момента повествования, кроме одного единственного отрезка, что особенно контрастирует на фоне детального раскрытия жизни и характера других героев рассказа, в частности, генерала Аносова, сестры Анны, и самого Желткова. Образ княгини Шеиной нельзя назвать простым или до конца понятным, так как автор по сути не дает нам подробного ее описания, по сравнению с остальными персонажами, тем не менее, рисуя образ аристократичной, прямой, несколько недостижимой, холодной женщины на фоне ее сравнения с сестрой Анной – «Вера пошла в мать, красавицу англичанку, со своей высокой гибкой фигурой, нежным, но холодным и гордым лицом, прекрасными, хотя довольно большими руками и той очаровательной покатостью плеч»; «проста, со всеми холодно и немного свысока любезна, независима и царственно спокойна». Стоит отметить, что «большие руки» и «покатость плеч» могут восприняться читателем как довольно антагонистичные черты, которые автор рассказа, возможно, добавил для усиления эффекта неоднозначности желаний и ценностей Веры. На протяжении повествования и диалогов героини, данная неоднозначность проявляется неоднократно, и «царственная спокойность» Веры начинает подвергаться сомнению уже в диалоге с сестрой Анной над обрывом.

Обсуждая впечатления о море с сестрой, княгиня Шеина косвенно признается в своей неудовлетворенности в семейной жизни, потере в этой жизни былых впечатлений – «оно меня и волнует, и радует, и поражает... но потом, когда привыкну к нему, оно начинает меня давить своей плоской пустотой... Я скуучаю, глядя на него, и уж стараюсь больше не смотреть». Автор применяет данный монолог в качестве отражения образа жизни самой Веры с супругом. «В образе Веры Николаевны Шеиной отражен уклад жизни и мировоззренческая позиция целого поколения. Он может быть определен как интенционально – социальный образ и способ бытия, характеризующийся «зацикленностью» на правилах этикета и поиске материальных благ» [5, 209-216]. Это создает впечатление монотонности, скованности жизни главной героини.

Изначальное хладнокровие Веры отражено мимолетно в разнице в любви Веры к лесу, в ответ на восхищение Анны морем, что тоже является контекстуальной антонимией («море» - «лес»): «...я только думаю, что нам, северянам, не понять прелести моря. Я люблю лес.» Образ сестры Анны, легкомысленной, эмоциональной и опрометчивой молодой девушки, является антитезой образа Веры, и их диалог для читателя предстает как сравнение между чувством и разумом.

Отсутствие детей у супругов Шеиных также является сильным инструментом образа несчастливой жизни главной героини. Куприн описывает Веру как женщину, всей душой желающей стать матерью, и вновь прибегает к сравнению ее жизни и жизнью сестры: «...Мужа она терпеть не могла, но родила от него двух детей – мальчика и девочку; больше она решила не иметь детей и не имела. Что касается Веры – та жадно хотела детей...но почему-то они у нее не рождались, и она болезненно и пылко обожала хорошеньких малокровных детей младшей сестры...» Куприн дает читателю понять, что образ княгини Шеиной - это не только образ неприступности, но и образ нечастной женщины. Тем не менее, вначале читатель воспринимает главную героиню не с ощущением сочувствия, а скорее, с ощущением «забытости», отсутствия эмоциональности.

В дальнейшем данное впечатление трансформируется в сострадание, достигая своего апогея в момент трагедии Желткова. Прощаясь с героиней и совершив акт самоубийства, Желтков провоцирует осознание княгини истины, которую, она, возможно искала, сама не до конца отдавая себе в этом отчет. В начале рассказа, Куприн упоминает о былой «страстной любви» Веры к мужу Василию, но данные подробности чрезвычайно кратки, что вызывает у читателя сомнение в истинности и глубине этих чувств.

Интересно описание самого гранатового браслета Желткова, подаренного княгине, а также принятие ей самого подарка: *«как настоящая женщина, она сейчас же отложила записку в сторону, чтобы посмотреть на браслет»*. Куприн таким образом еще раз подчеркивает едва уловимое восхищение героиней, ее женственную природу, проявление чувственности, что начинает немного противоречить ее холодному образу до этого момента. Это противоречие возрастает в сцене описания ее впечатлений от подарка: *«... загорелись прелестные густо-красные живые огни. «Точно кровь!» - подумала с неожиданной тревогой Вера.»* Фраза «с неожиданной тревогой» являются первыми элементами проявления в Vere настоящей эмоциональности. Для нее все эти эмоции предстают как нечто уже забытое и непонятное: *«Так раздумывала княгиня Вера и не могла отвести глаз от пяти алых кровавых огней, дрожавших внутри пяти гранатов.»* «Не могла отвести глаз», «дрожащие огни», служат образом пробуждения в княгине еле заметной поначалу чувственности, мотивированной не столько материальными впечатлениями о браслете, сколько от смысла самого подарка и письма самого воздыхателя.

Автор в дальнейшем мастерски прибегает к силе диалога, направляя рассказ к кульминации пробуждения в героине еще большей чувственности, по ходу раскрывая едва уловимое желание княгини познать природу истинной любви, которую она, возможно, не испытывала вовсе.

В особенности это касается диалогов между Верой и ее крестным, генералом Яковом Аносовым. Куприн рисует нам Аносова как человека, пережившего войны, жизненный опыт которого является тяжелым, но полным впечатлений. При этом герой Аносова не теряет человечность, доброту, некоторую степень наивности.

Особенного внимания заслуживают описания Аносовым случаев сильных чувств, свидетелем которых он был, и описание своей собственной женитьбы. Данные рассказы, тем не менее, создают у читателя скорее удивление и даже презрение, нежели восхищение, что идет вразрез с впечатлением о письме Желткова Шеиной, прилагаемом к подарку. Аносов своими рассказами отражает различные выраженные концепты любви: в то время как опыт и наблюдения Аносова отражает «любовь-унижение», «чистая взаимная любовь» и т.п., любовь Желткова описывается как «самоотверженная, не жаждущая награды» [4, 121-125]. Куприн утверждает, что сам Аносов убежден, что не встречал в жизни истинной любви: *«– Не знаю, милая моя, ей-богу, не знаю – любовь это была или иное чувство...»*; *«– Право, не сумею вам ответить, – замялся старик, поднимаясь с кресла. – Должно быть, не любил. Сначала все было некогда... Казалось, конца не будет жизни, юности и здоровью. А потом оглянулся – и вижу, что я уже развалина...»*. Если образ сестры Анны – это легкомыслие, то образ Аносова предстает у Куприна зрелым человеком с жизненным опытом и идеалами веры в страстную, верную, чистую и лишенную прагматизма любовь, несмотря на собственную несчастливую семейную жизнь, что подтверждается его же словами: *«хочу сказать, что люди в наше время разучились любить. Не вижу настоящей любви. Да и в мое время не видел!»*. Для Шеиной это утверждение удивительно, так как героиня еще не понимает истинность любви: *«Зачем клеветать? Вы ведь сами были женаты. Значит, все-таки любили?»* Но по убеждениям Аносова, его собственная семья выстраивалась скорее на легкомыслии, чем на любви, что подтверждается презрительным, почти что уничижительным описанием этого опыта.

Куприн использует слова Аносова как своеобразный «мост» между Верой и пониманием чувств Желткова. Аносов, подвергая критике общеизвестный прагматизм семейной жизни, сеет в Вере первые семена сомнения в ее собственном счастье, едва скрывает отрицание в истинности любви и счастье супругов.: *«... вот в большинстве-то случаев почему люди женятся? ... Стыдно оставаться в девушках, особенно когда подруги уже повыходили замуж... Желание быть хозяйкой, главной в доме, дамой, самостоятельной... А где же любовь-то? Любовь бескорыстная, самоотверженная, не ждущая награды? Та, про которую сказано – «сильна, как смерть»? ... такая любовь, для которой совершить любой подвиг, отдать жизнь, пойти на мучение – вовсе не труд, а одна радость.»; «Любовь должна быть трагедией... Никакие жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ее касаться.»* Употребление автором сравнения «сильна, как смерть», фраз «отдать жизнь», «величайшая трагедия» являются своеобразным знаком жертвенности любви Желткова и предвестниками трагического конца рассказа. Куприн использует прием полярного изменения семантики, в данном случае эмотив «любовь» служит основным средством данного изменения [7, 67-71].

Данный монолог производит впечатление на княгиню, провоцирует в ней интерес: *«Вы видели когда-нибудь такую любовь, дедушка? – тихо спросила Вера.»* Автор неспроста употребляет наречие «тихо» - тем самым провоцируя впечатление страха и интереса княгини перед неизведанным ей чувством.

По ходу диалога, Куприн наконец всецело и мастерски лаконично раскрывает образ Веры как женщины, которая не испытывала любви, по крайней мере в рамках идеалов Аносова, в форме простого, заданного ей вопроса: *«– Ну, а женщин, дедушка, женщин вы встречали любящих?»* Читатель осознает правоту своих первоначальных выводов о героине. В признании подробностей княгини Аносову о тайном преследователе Желткове, сомнение Веры возрастает еще больше после рассуждений генерала: *«почем знать? – может быть, твой жизненный путь, Верочка, пересекла именно такая любовь, о которой грезят женщины и на которую больше не способны мужчины.»*

Позиция Аносова описана Куприным как неприятие нравственных норм в обществе, включая его отношение к браку Шеиных. Автор прибегает ко множеству ольфакторных включений, подчёркивая это отношение Аносова: *«Ты посмотри только, как розы-то пахнут... Отсюда слышу. А летом в жары ни один цветок не пахнул, только белая акация... да и та конфетами»* [3, 29-32]. Акация с запахом конфет выражает неудовлетворенность Аносова в современном порядке вещей.

Данный, расширенный, весьма интимный диалог между княгиней Шеиной и Аносовым является чрезвычайно важным для понимания внутреннего мира самих героев, их положения в настоящий момент и в определенной мере, полном осознании читателем их неудавшейся жизни, которые параллельно обусловлены несчастьем в любви, незнанием ее глубины.

Образ Веры трансформируется из хладнокровного и неприступного в несчастный и жаждущий познать неизведанное, что, однако, в полной мере раскрывается автором уже после трагических событий. В момент сцены разговора князя Василия и брата Веры Николая с Желтковым с просьбой оставить его преследования позади, автор дает понять, что чувства Желткова являются прямым отражением идеалов, описанных Аносовым, представляют собой безусловные, ультимативные чувства любви, которые непреодолимы и не имеют преград: *«Трудно выговорить такую... фразу... что я люблю вашу жену.»... «что бы вы сделали для того, чтоб оборвать это чувство? Выслать меня в другой город, как сказал Николай Николаевич? Все равно и там так же я буду любить Веру Николаевну, как здесь. Заключение меня в тюрьму? Но и там я найду способ дать ей знать о моем существовании. Остается только одно – смерть...»* Последним предложением Желткова Куприн еще раз предвещает читателю трагический исход данной истории. Желтков в глазах Куприна представляет

человека, для которого одержимая любовь не может быть ограничена этическими рамками брака и семейных уз: «на первый план в повести выступает пропаганда чистой, безответной любви, для которой нет преград, причём чьи-то семейные узы воспринимаются именно как негатив, барьер на пути «чистой» любви. Правила морали, семейного долга, верности супругу Куприн отодвигает на второй план» [2, 110-115]

Некоторые исследования произведения полагают, что трагизм ситуации в плане непонимания между Шеиной и Желтковым мотивирован социальной несправедливостью [9, 112-113]. Действительно, социальное положение княгини, обладающей более высоким статусом, предполагало существование той рутинной, тягостной и поверхностной семейной жизни, лишенной глубины чувств, которая тем или иным образом отражалась в описании автором.

Интересна показанная метафизическая связь княгини Шеиной с Желтковым, которая испытывает то же предчувствие трагедии наравне с читателем, выраженное автором в краткой концовке главы, практически оборванной форме ответа княгини мужу: «– *Оставь меня, – я знаю, что этот человек убьет себя.*» Возможно, автор таким образом старался показать высокую духовность любви, ее нематериальную, и даже нефизическую природу, порождающую такую же необъяснимую взаимосвязь людей. Данные мысли Веры перекликаются в финале рассказа, после самоубийства Желткова. «*Почему я это предчувствовала? Именно этот трагический исход? И что это было: любовь или сумасшествие?*» Автор применяет данную параллельность в дальнейших мыслях Веры: «*Почем знать, может быть, твой жизненный путь пересекла настоящая, самоотверженная, истинная любовь*», – вспомнились ей слова Аносова», и во время сцены прочтения ей последнего письма от Желткова: «*На этот раз Вера Николаевна узнала почерк Желткова и с нежностью, которой она в себе не ожидала, развернула письмо.*» Фраза «с нежностью, которой она в себе не ожидала» подчеркивает эмоциональную надломленность героини, осознание проявления неведанной к ней любви.

Параллельность мыслей о настоящей любви выражены автором еще раз во время сцены прихода княгини в дом Жеткова с целью взглянуть наконец на своего преследователя: «*В эту секунду она поняла, что та любовь, о которой мечтает каждая женщина, прошла мимо нее. Она вспомнила слова генерала Аносова о вечной исключительной любви – почти пророческие слова.*»

Автор таким образом завершает образ главной героини, и продолжает в последней, кульминационной главе рассказа, показывая спектр раскрытых в главной героине эмоциональности и чувств через искреннее оплакивание Верой Желткова во время сцены игры сонаты Бетховена Вере по просьбе покойного, оставленной в последнем ей письме – раскаяния, досады, сочувствия, своей вины; еще раз подтверждая ее несчастье, которое кроется в факте незнания глубокой любви в жизненном опыте; это показано Куприным в создании трагической метафизической связи и понимания между Верой и Желтковым уже после его смерти, что вызывает у читателя ощущение «упущенности», трагичности, эмоционального переполнения всей ситуации. Последняя сцена вызывает одинаковые чувства как у читателя, так и у самой героини, что делает «Гранатовый Браслет» схожим с аристотелевским катарсисом, что отражает присутствие в рассказе черт своеобразной баллады. Княгиня чувствует потерю того, что могло быть, начинает понимать духовную близость к ушедшему уже Желткову, выраженную одной ее завершающей фразой: «Он простил меня теперь» [11, 46-48]. Последняя сцена вызывает одинаковые чувства как у читателя, так и у самой героини, что делает «Гранатовый Браслет» схожим с аристотелевским катарсисом, что отражает присутствие в рассказе черт своеобразной баллады [8, 34-39].

Следует отметить, что действия в рассказе не следует воспринимать чрезмерно буквально. Поступок Желткова, в частности, сам по себе также является максимально экспрессивным, всеобъемлющим образом идеала любви и жертвенности, которые проявляются в обществе все меньше, по утверждениям генерала Аносова, и изначальному образу жизни супругов Шеиных. «**Чувство любви** привлекает писателя тем, что оно способно избавить от разложения и обезвоживания цивилизации – любовь способна преображать человеческую душу через призму реальных, человеческих чувств и эмоций» [10, 39-41]

Заключение

«Гранатовый браслет» выражает множество нравственных аспектов, которые, по мнению автора, предаются забвению ввиду смены времени и приоритетов общества, переходного, сложного для России периода.

Несомненно, «Гранатовый Браслет» и образы героев, отраженные в нем, являются одними из лучших образцов русской и мировой литературы и служат превосходной иллюстрацией мастерства применения автором художественных и стилистических средств.

Использованная литература

1. Куприн А. И. Гранатовый Браслет. Из цикла «Повести и рассказы». 2018.
2. Даракчи, М. И. (2012). Автоинтертекстуальность творчества А. И. Куприна (на материале повестей «Суламифь», «Гранатовый браслет» и стихотворения «Навсегда»). Филологический класс, (4), 110-115.
3. Зыховская, Н. Л. (2010). Художественные функции ольфакторных включений в «Гранатовом браслете» А. И. Куприна. Челябинский гуманитарий, (2 (11)), 29-32.
4. Ключникова, Л. В. (2008). Макроконцепт «Выражение любви» как объект психолингвистики (на материале повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет»). Система ценностей современного общества, (4), 121-125.
5. Максимюк, Е. В. (2012). Когнитивно-семантическое моделирование образов бытия и мировосприятия в рассказе А. И. Куприна «Гранатовый браслет». Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, (5), 209-216.
6. Медарова Л.И. (2018). ИЗОБРАЖЕНИЕ ТРАГИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. КУПРИНА. Вестник науки, 4 (5 (5)), 44-49.
7. Минибаева Светлана Винеровна, & Хасанова Арина Эдуардовна (2023). МАРКЕРЫ ПСИХОЛОГИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. И. КУПРИНА. Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas, (2), 67-71. doi: 10.24412/2949-1509-2023-2-67-71
8. Мирзоева В.К. (2008). ЭЛЕМЕНТЫ БАЛЛАДЫ В РАССКАЗЕ А. КУПРИНА "ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ". Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, (4), 34-39.
9. Пэй Шань (2020). Трагизм любви в произведении А. И. Куприна «Гранатовый браслет». Международный журнал гуманитарных и естественных наук, (4-3), 112-113. doi: 10.24411/2500-1000-2020-10405
10. Титова М.В. (2022). ЭВОЛЮЦИЯ ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. КУПРИНА. Символ науки, (12-1), 39-41.

11. Чеснокова Инна Геннадьевна (2017). Личность могучего чувства в произведении А. И. Куприна «Гранатовый браслет». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, (4-2 (70)), 46-48.
12. Porubay, I. F., Zokirov, M. T., & Ibragimova, E. I. (2023). FEATURES OF CONTEMPORARY INTERNET LANGUAGE. *BARQARORLIK VA YETAKCHI TADQIQOTLAR ONLAYN ILMIY JURNALI*, 3(2), 210-216.
13. Порубай, И. Ф., & Ибрагимова, Е. И. ABOUT THE FEATURES OF AN ENGLISH DISCOURSE INTERNET WITHIN GLOBAL COMMUNICATION.
14. Porubay, I. (2023). Approaches to the Use of Information Technology in Teaching Foreign Languages. *American Journal of Language, Literacy and Learning in STEM Education (2993-2769)*, 1(6), 137-143.
15. Porubay, I. F. (2023). CONCEPTUALIZATION OF THE INTERNET LANGUAGE. *BARQARORLIK VA YETAKCHI TADQIQOTLAR ONLAYN ILMIY JURNALI*, 3(8), 11-16.
16. Porubay, I. F., & Arslonzoda, A. R. (2023). THE LANGUAGE OF THE INTERNET AND LITERARY STYLE: THE ISSUE OF INTERACTION. *Best Journal of Innovation in Science, Research and Development*, 710-716.
17. Porubay, I., & Ibragimova, E. (2020, December). ABOUT THE FEATURES OF AN ENGLISH DISCOURSE INTERNET WITHIN GLOBAL COMMUNICATION. In *Конференции*.
18. Порубай, И. Ф. (2021). ИННОВАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТА В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. *НЗ4 Наука и инновации в XXI веке: Материалы Международной*, 98.
19. Порубай, И. Ф. (2022). СВОЙСТВА ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В РАМКАХ ИНТЕРНЕТ-ОПОСРЕДОВАННОГО ОБЩЕНИЯ. *Редакционная коллегия*, 52.
20. Porubay, I. F., Ibragimova, E. I., & Zokirov, M. T. (2022). О НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ SPORTIVNOGO DISKURSA. *BARQARORLIK VA YETAKCHI TADQIQOTLAR ONLAYN ILMIY JURNALI*, 2(12), 52-58.
21. Porubay, I. F., & Ibragimova, E. I. (2021). ABOUT THE FEATURES OF SOCIAL MEDIA DISCOURSE (BASED ON THE EXAMPLES OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES). *Theoretical & Applied Science*, (12), 482-486.
22. Ibragimova, E. I., Zokirov, M. T., Qurbonova, S. M., & Abbozov, O. Q. (2018). Filologiyaning dolzarb masalalari” mavzusidagi Respublika ilmiy-amaliy internetkonferensiya materiallari: Ilmiy ishlar to’plami. *Farg’ona*, 113.
23. Зокиров, М., & Зокирова, С. (2010). ТИЛ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯСИНИНГ МОҲИАТИ ҲАҚИДА УМУМИЙ ТУШУНЧА. *Известия ВУЗов (Кыргызстан)*, (6), 10-11.
24. Zokirov, M. (2007). Lingvistik interferensiya va uning o'zbek-tojik bilimimizda namoyon bo'lishi. *MDA.–Toshkent*.
25. Зокиров, М. Т. (2015). Об общей характеристике билингвизма. *Ученый XXI века*, (7-8 (8-9)), 24-27.
26. Isomiddinov, F., & Zokirov, M. (2023). Friendship of Jomi and Navoi as Symbol of Friendship of the Tajik and Uzbek People. *Texas Journal of Philology, Culture and History*, 18, 38-40.

27. Zokirov, M. T. (2007). Lingvistik interferensiya va uning o'zbek-tojik bilingvizmida namoyon bo'lishi. *Fil. fn ilmiy darajasini olish uchun taqdim etilgan dissertatsiya*.
28. Zokirov, M. T., Zokirova, S. M., & Dadabayeva, S. S. (2021). About The Influence Of The Uzbek Language In Rishtan Tajik Dialects Of Ferghana Region. *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*, 12(4).
29. Zokirov, M. T., & Zokirova, S. M. (2020). About Lexical-semantic Interference in the Speech of Tajiks, Living in Fergana Region of the Republic of Uzbekistan. *International Journal of Pharmaceutical Research*, 12(3), 10-11.
30. Zokirov, M. T., & Dadabayeva, S. S. (2020). ABOUT THE ROLE OF LANGUAGES CONTACTS IN THE DEVELOPMENT OF LANGUAGES. *Theoretical & Applied Science*, (4), 687-691.
31. Zokirov, M. T., & Zokirova, S. M. (2020). Contrastic analysis at the phonetic level. *Academic Leadership (Online Journal)*, 21(05), 163-169.
32. Turdaliyevich, Z. M. (2022). About Grammatical or Morph syntactic Interference. *European Multidisciplinary Journal of Modern Science*, 4, 768-773.
33. Turdaliyevich, Z. M. (2022). Actual Problems of Bilingualism in a Multi-Ethnic Environment. *International Journal of Culture and Modernity*, 13, 17-23.
34. Zokirov, M. T. (2019). About the general characteristic of bilinguism. *Scientific and Technical Journal of Namangan Institute of Engineering and Technology*, 1(10), 260-265.
35. Исомиддинов, Ф., & Зокиров, М. (2023). БИР ДАРАХТНИНГ ИККИ ШОХИ. *BARQARORLIK VA YETAKCHI TADQIQOTLAR ONLAYN ILMIY JURNALI*, 3(5), 24-27.
36. Зокиров, М., & Исомиддинов, Ф. (2021). БИЛИНГВ НУТҚИДА ФОНЕТИК ИНТЕРФЕРЕНЦИЯНИНГ НАМОЁН БЎЛИШИ ХУСУСИДА. *Scientific journal of the Fergana State University*, (6), 26-26.
37. Zokirov, M. (2023). On the Terminological Apparatus of Language Contacts in Modern Linguistics. *American Journal of Language, Literacy and Learning in STEM Education (2993-2769)*, 1(6), 69-73.
38. Zokirov, M. T. (2023). Linguistic Abilities and Their Neuropsychological Support. *American Journal of Language, Literacy and Learning in STEM Education (2993-2769)*, 1(8), 59-62.
39. Бердиалиев, А., & Зокиров, М. (2019). ЛИНГВИСТИК ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ВА УНИНГ ЎЗБЕК-ТОЖИК ТИЛЛАРИ КОНТАКТИГА АЛОҚАСИ. *Scientific journal of the Fergana State University*, (6), 21-21.